

ВАВИЛОНЪ И БИБЛІЯ.

А. Кондамена. Переводъ Н. П. Цвѣтковой подъ редакціей С. С. Глаголева ¹⁾.

Мессианизмъ.—Въ *Inscriptions cuneiformes et l'Ancien Testament*, третьемъ изданіи первоначальнаго труда Шрадера, совершенно передѣланномъ и различномъ по основанію, формѣ и духу, Циммернъ предается самымъ рискованнымъ сближеніямъ между полиморфными концепціями вавилонскаго пантеона и религіозными вѣрованіями Ветхаго и Новаго Завета. Подлѣ Мардука появляется Христосъ, Искупитель міра, полнота времени, Христосъ, иносостанный Отцомъ, страсти, смерть Спасителя людей, Его воскресеніе и вознесеніе. Наряду съ богиней Иштаръ помѣщаются Дѣву Марію, Мать Господа. Эти сближенія основываются на искусственномъ сходствѣ, чисто внѣшнемъ, матеріальномъ или словесномъ. Какое же дѣйствительное отношеніе существуетъ, напримѣръ, между *Ану*, вавилонскимъ богомъ неба, стоящимъ рядомъ съ другими богами, населяющими небо и землю, и идеей евреевъ, которые представляютъ себѣ небо жилищемъ Бога. Его царствомъ, царствомъ небесъ? (*Die Keilinschriften und das Alte Testament*, 3-e ed., p. 352, 353). Иногда еврейская или христіанская доктрина является плохо понятой и искаженной въ этихъ натянутыхъ параллеляхъ: иногда же клинообразный текстъ плохо истолкованъ, какъ, напримѣръ, тогда, когда Циммернъ считаетъ прототиномъ страдающаго Раба Ягве личность, называющую себя вѣрной, но страдающую безъ ии-

1) Продолженіе. См. Іюль-Августъ.

корности Провидѣнію и не имѣющую ни малѣйшей мысли *искупить преступленія другихъ*, т. е. которой недостаетъ характеристичныхъ чертъ Раба Ягве, изображеннаго Исаіей. Самое бѣльшее, эту личность можно сравнить, какъ это и дѣлали, съ Іовомъ. Съ другой стороны, справедливо похвалить высокую поэзію этой поэмы о *Праведномъ страдалицѣ* (*du Juste souffrant*). А вмѣсто того, чтобы цитировать нѣкоторые отрывки изъ нея, лучше отослать къ полному переводу, данному мною въ *Etudes* (mars, 1903, t. XCIV, p. 803—806) или къ переводу Дорма (*Choix de textes...*, p. 372—379).

Можно съ увѣренностью сказать, что до сихъ поръ въ клинообразныхъ текстахъ ничего не было найдено, что могло бы считаться прототипомъ или источникомъ, чѣмъ либо соответствующимъ или аналогичнымъ мессіанской надеждѣ Израиля.

Методъ сравненія, усвоенный и прилагаемый такимъ образомъ, не имѣетъ ничего научнаго: онъ часто дѣйствуетъ *a priori*; онъ находитъ то, что *желаютъ* найти: почти всегда онъ полагается на недостаточныя данныя: на недостаточное *объективное* знакомство съ тѣмъ, что касается вавилонской религіи, гдѣ еще такъ много остается для открытій и для толкованія, на неполное *субъективное* знакомство съ израильской религіей со стороны нѣкоторыхъ ассириологовъ, малокомпетентныхъ по этой части. Очень умный совѣтъ дали ученые друзья Гюго Радо, прося его продолжать дешифрированіе плитокъ Ниппура и отложить до болѣе поздняго времени опубликованіе его статьи относительно „вавилонской Троицы, прототипа Троицы христіанской“ (*Bel, the Christ...* 1908, preface). Другіе ассириологи: Делитъ, Циммернъ, Ленсенъ, должны были бы также оставаться на своей почвѣ, на которой они оказываютъ выдающіяся услуги, и противиться сильному желанію дѣлать сравненія.

Пророчество: предсказаніе; колдовство.—„*Азими* [sic] или „пророки“ образовали отдѣльный классъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ они походили на пророковъ Израиля“. Такъ говорилъ Сейсъ въ своихъ *Gifford Lectures*, опубликованныхъ въ 1902 году подъ заглавіемъ *The religions of Ancient Egypt and Babylonia*. И далѣе: „До какой степени вавилонскій пророкъ **походилъ** на еврейскаго въ данный моментъ невозможно сказать. Но они отличались, конечно, въ двухъ пунктахъ“:

прежде всего вавилонскій пророкъ былъ членомъ священнаго сословія тогда, какъ обязанности священника и пророка были независимыми въ Израиль; болѣе того, въ Вавилонѣ „пророкъ былъ тѣсно связанъ съ магикомъ и вызывателемъ умершихъ“; наоборотъ, онъ существенно отличался отъ нихъ у евреевъ (р. 463—466).

Нѣсколько замѣчаній относительно этихъ утверждений. Прежде всего лицо, приближавшееся, повидимому, всего болѣе къ пророку у вавилонянъ, не есть *ашину*, который былъ скорѣе заклинателемъ, производившимъ также и очистительные обряды, но *бару*. „Преимущественно гадатель, толкователь воли боговъ, жрецъ, обязанностью котораго было давать предсказанія, это—*бару*“, говоритъ Лягранжъ въ превосходномъ этюдѣ о текстахъ, опубликованныхъ Циммерномъ (*Beiträge zur Kenntnis der bab. Religion*, 1896—1901). Буквальнымъ переводомъ *бару* будетъ *видящій (royant)*, но это слово тождественно, обычно, съ внутреннимъ видѣніемъ, даромъ пророчества: *бару* созерцалъ будущее въ особенности по печени жертвъ“ (*Revue biblique internationale*, 1901, р. 404, 405). См. также важныя страницы Мартина, *Textes religieux assyriens et babyloniens*, 1903, введение).

Уже при Гаммураби существовала школа для этихъ жрецовъ-гадателей. Ихъ находятъ во времена послѣднихъ ассирийскихъ и вавилонскихъ царей: Сеннахерибъ спрашиваетъ ихъ, чтобы узнать причину насильственной смерти своего отца Саргона. Асаргадонъ рѣшаетъ послѣ благоприятныхъ предсказаній, сообщенныхъ имъ, перестроить Вавилонъ: они исполняютъ еще свои функціи при Набонидѣ. Молитва и вопрошенія, съ которыми къ Шаману, богу-солнцу, черезъ посредство *бару*, чтобы узнать будущее или какое нибудь тайное намѣреніе, были опубликованы Кнуттзономъ (*Assyrische Gebete an den Sonnengott...* 1893). Они датированы царствованіями Асаргадона и Ассурбаншала.

Вотъ образчикъ одной изъ нихъ:

„О Шаманъ, великій господинъ, удостой отвѣтомъ мою просьбу вѣрующаго въ твою милость! Съ этого дня, третьяго дня этого мѣсяца, мѣсяца Абу до одиннадцатаго дня мѣсяца Абу этого года, въ продолженіе этихъ ста дней и этихъ ста ночей, времени, назначеннаго (предѣломъ) по предсказанію жреца-гадателя (*бару*): въ промежутокъ этого назначен-

наго времени будутъ ли имѣть успѣхъ въ своихъ намѣреніяхъ Каштарити со своими полчищами, или полчища киммерійцевъ или полчища мидянъ, или полчища мансеевъ, или всякій другой врагъ? Возьмутъ ли они приступомъ или силой, или оружіемъ и битвой, или брешью, или миной, или съ помощію осадныхъ машинъ..., или голодомъ, или въ силу имени бога и богини, или переговорами и дружескими сдѣлками, или какимъ нибудь другимъ средствомъ и стратегіей, употребляемой для взятія городовъ, возьмутъ ли городъ Кишассу, войдутъ ли въ стѣны этого города Кишассу? Овладеютъ ли они этимъ городомъ Кишассу, падеть ли онъ въ ихъ руки? Твоя великая божественность знаетъ это. Взятіе этого города Кишассу какими бы то ни было врагами съ этого дня до (послѣдняго) дня назначеннаго времени повелѣно ли, рѣшено ли по приказанію и опредѣленіямъ твоей великой божественности, о Шамашъ, великій господинъ? Увидать ли его? Услышать ли его слова?“ (Knudtzon, P. с. n. 91, cf. Iastrow, *Die Religion Bab. und Assy.*, II, p. 177).

Здѣсь, какъ и вообще въ обыкновеніи вопрошать оракуловъ, проявляется твердая увѣренность древнихъ, что божество управляетъ въ здѣшнемъ мірѣ всѣмъ и заранѣе знаетъ результатъ человѣческихъ дѣйствій. Но предъ этимъ сложнымъ вопросомъ, гдѣ шпионическія выраженія многочисленны, какъ будто бы изъ страха, что богъ превратно пойметъ и увернется отъ вопроса, совершенно естественно приходитъ на мысль слово Евангелія: „ибо они думаютъ, что въ многословіи своемъ будутъ услышаны“ (Mat. VI, 7). Сравните мѣсто изъ Библии, гдѣ при спрашиваніи Ягве посредствомъ эфода относительно аналогичнаго предмета, манера просить гораздо проще и искреннѣе (I Сам. XXIII, 9—12).

Нужно ли говорить о возможности проводить параллель между израильскими пророками и жрецами-гадателями Халдеи или Ассиріи, какъ это дѣлали Винклеръ (*Die Keilinschriften und das Alte Testament*, 3-e ed, p. 171) и Деличъ? (*Babel und Bibel*, II p. 18). Въ немногихъ страницахъ ученый Кенигъ правильно оцѣнилъ эту точку зрѣнія, пропускающую глубокія различія для того, чтобы придерживаться нѣкоторыхъ искусственныхъ аналогичныхъ чертъ (*Der ältere Prophetismus*, 1905, p. 3—6). Первое и существенное отличіе между истиннымъ пророкомъ и гадателемъ всегда ускользнетъ отъ

того, кто отказывается допустить сверхъестественное, достоверное пророчество, потому что между функциями одного порядка и чисто человеческими, если предположить, что искренность существует и съ той и другой стороны, может существовать только разница въ степени. Если же пророки Израиля были одарены божественными откровениями въ собственномъ смыслѣ слова, ясно, что они несравненно выше, чѣмъ гадатели древности (см. *La mission surnaturelle des prophètes d'Israël*, въ *Etudes*, 4 janv. 1909, p. 5—32). Впрочемъ, нужно замѣтить по крайней мѣрѣ съ Сейсомъ, что это будетъ первымъ шагомъ къ полной истинѣ—что гадатель Вавилона постоянно прибѣгаетъ къ магіи (сложные обряды, колдованія и т. д.), тогда какъ еврейскій пророкъ является явнымъ врагомъ магическихъ обрядовъ: откровеніе спускаться на нихъ непосредственно отъ Ягве, не проходя по внутренностямъ жертвъ. Еврейскіе пророки, особенно пророки времени плѣна, хорошо знаютъ и громко осуждаютъ эту халдейскую магію. „Царь вавилонскій остановился на распутии, при началѣ двухъ дорогъ, для гаданія [чтобы знать направленіе, которое онъ долженъ взять]; онъ трясетъ стрѣлы [гаданіе по стрѣламъ]; онъ вопрошаетъ терафимовъ, разсматриваетъ печень [гаданіе по печени]“ (Иез. XXI, 26. Вульг. 21).

...И нападетъ на тебя бѣда [Вавилонъ],
 которой ты не въ силахъ будешь отвратить...
 Оставайся же съ своими волшебствами
 и со множествомъ чародѣйствъ твоихъ,
 которыми ты занимался отъ юности своей!
 Можетъ быть, пособивъ себѣ,
 можетъ быть, устоишь! (Иез. XLVII, 11, 12).

Въ слѣдующихъ стихахъ пророкъ съ замѣчательною точностью описываетъ въ нѣсколькихъ словахъ астрологію и искусство толковать предсказанія, которыя удивительно развились въ Вавилонѣ. (См. специально Campbell Thompson, *The reports of the magicians and astrologers of Nineveh and Babylon*, 2 vol. 1900).

Въ Халдеѣ могущество, приписываемое колдунамъ и въ особенности колдуньямъ, было значительно, доходило до того, что считали возможнымъ потрясти природу, возстановить противъ человѣка армію злыхъ геніевъ, вліять даже на рѣшенія великихъ боговъ, измѣнять судьбы злѣшняго міра.

Порча, магическія лѣгартва, нѣкоторыя странныя дѣйствія или проще „дурной глазъ“, нашептываніе какихъ нибудь зловѣщихъ словъ,—были достаточны для того, чтобы произвести эти чудеса. Заклинатели были призваны бороться противъ этой злоторной силы посредствомъ своихъ чаръ. Нѣсколько серій такихъ колдованій были опубликованы: серія *Махлу*—Тальквистомъ, серія *Шурру*—Циммерномъ (2-я таблица *Шурру* содержитъ 210 строкъ), серія *Утукки тм-нунти* и т. д., на злыхъ духовъ, Камбеллемъ Томсономъ другіе тексты, Кингомъ. *Babylonian Magic and Sorcery*, 1896.

Ничего подобнаго нѣтъ у евреевъ, развѣ только въ формѣ заблужденія, непосредственно порицаемаго пророками. Различныя виды гаданія, предзнаменованія, колдовство, чары и вопрошеніе духовъ ясно запрещены Второзаконіемъ (XVIII, 10, 11).

Молитвы, гимны, покаянныя псалмы: идея грѣха.—Такимъ образомъ древній вавилонянинъ представляется намъ окруженнымъ злыми демонами и гениями—покровителями, представленнымъ вліянію многочисленныхъ невидимыхъ силъ, подъ надзоромъ высшихъ божествъ. Онъ глубоко чувствуетъ свою зависимость, и онъ религіозенъ. Ассирійцы вовсе не были, какъ воображалъ Ренанъ, „почти индифферентными въ религій“ (*Hist. du peuple d'Israël*, t. III, p. 15). Прежде всего, собственныя имена лицъ заставляютъ вѣрить въ это. Въ Вавилоніи и въ Ассиріи, какъ и у евреевъ, эти гимны выражаютъ чувство довѣрія, благодарности, почтенія къ тому или другому атрибуту божества или еще пожеланіе, благословеніе: *Мардукъ-абаль-иддинъ*, Мардукъ далъ сына; *Синъ-аге-арба* (Сеннахерибъ), Синъ умножилъ братьевъ; *Ишме-Синъ*, Синъ услышалъ; *Бели-шмеанни*. Мой Господинъ меня услышалъ; *Илу-Даликъ*, Богъ благосклоненъ; *Бель-шмуранни*, Бель поглядѣлъ на меня (благосклонно); *Маръ-Шамашъ* или *Амль-Шамашъ* Синъ Шамаша; *Маръ Иштаръ*. Синъ Иштаръ; *Амль-илшуну*. Синъ своего бога; *Илушуну-абуну*, Его богъ-отецъ ему; *Арадъ-Еа*. Служитель Еа; *Адабъ-нирари*. Адабъ—мой помощникъ; *Нарамъ-Синъ*, Любимецъ Сина; *Манумъ-бала-Синъ*, Кто [можетъ существовать] безъ Сина? *Манумъ-жи-Синъ*, Кто подобенъ Сыну? *Манумъ-шаникъ-Шамашъ*, Кто равенъ Шамашу? *Ана-пани-или*, Въ присутствіи бога; *Панъ-Бель-адаб(ъ)алъ*, Я вижу (или увижу) лицо Бела; *Ана-*

Шаманъ-теръ. Повернись къ Шаману; и множество другихъ именъ, представляющихъ поразительную параллель съ именами Библіи. Здѣсь и тамъ мы встрѣчаемъ свободную набожность въ тождественныхъ выраженіяхъ, тогда какъ она безконечно отличалась по своему предмету. Здѣсь монотеизмъ,—тамъ политеизмъ: но съ той и съ другой стороны идея Провидѣнія, которое управляетъ этимъ міромъ, и отъ котораго человѣкъ зависить при пользованіи матерьяльными благами и съ которымъ можно войти въ сношеніе посредствомъ молитвы.

Ассирійцы и вавилоняне имѣютъ около десяти синонимовъ для обозначенія молитвы. Она, повидимому, была у нихъ частой, если можно объ этомъ судить по выраженіямъ письменной корреспонденціи. Сынъ пишетъ отцу: „*Каждый день я молю Набу и Нана за жизнь моего отца; и согласно намѣренію моего отца я несу мои дары въ Ериду [храмъ Набу въ Борзицѣ]*“ (R. F. Harper, *Assyrian and babylonian Letters*, n° 219). Должностное лицо пишетъ матери царя: „*Да благословятъ Белъ и Набу мать царя, мою повелительницу! Каждый день я молюсь Набу и Нана о дарованіи жизни и долгоденствія царю странъ, моему повелителю и матери царя, моей повелительницѣ. Да будетъ охраняема мать царя, моя повелительница!*“ (*ibid.*, n° 324). Въ одномъ письмѣ отъ *Иодина-агли* госпожѣ *Кудану* читаютъ: „*Я молюсь каждый день Белу и Набу за жизнь и долгоденствіе и счастье моей госпожи. Милостью боговъ я здоровъ такъ же, какъ и всѣ тѣ, кто со мною. Но ты не знаешь о моихъ заботахъ, ты не получила извѣстій обо мнѣ. Съ мѣсяца Сивана я находился въ присутствіи въ страну Па-ни-ра-га-ца (?): молись Белу и Белитѣ обо мнѣ...*“ (R. Campbell Thompson, *Late bab. Letters*, n° 6). Кромѣ того: „*Милостью боговъ я здоровъ. Если я буду молиться богамъ, я получу то, что желаю*“ (*ibid.*, n° 194).

„Я молюсь каждый день...“ выраженіе часто повторяющееся въ этихъ письмахъ. Правда, что обычнымъ пожеланіемъ является пожеланіе „добраго состоянія сердца и добраго состоянія тѣла“, т. е. хорошаго расположенія духа и здоровья, радости и благосостоянія; но признавать въ этомъ пунктѣ зависимость личности отъ божественнаго Существа—это уже слишкомъ.

Если отъ проявленій частной набожности мы перейдемъ:

къ официальному прославленію боговъ, мы найдемъ великолѣпныя выраженія этого прославленія въ большомъ числѣ гимновъ. См. французскіе переводы Шейля въ 1897 г. въ *Revue de l'histoire des religions*, и Мартина въ двухъ томахъ *Textes religieux assyriens et babyloniens*, 1900 и 1903.

Какова бы ни была возвышенность чувствъ, которой мы по истинѣ любуемся въ этихъ произведеніяхъ блестящей поэзіи, религіозная нота не та, что въ священныхъ пѣснопѣніяхъ евреевъ. Трудно найти въ вавилонской литературѣ религіозное пѣснопѣніе съ единственной цѣлью прославлять боговъ, выражать имъ свое почтеніе и благодарность, любовь и вѣру, безъ какой-либо примѣси интересовъ ихъ набожныхъ почитателей. Гимны обыкновенно начинаются величественными восхваленіями божества: они превозносятъ его атрибуты высокопарнымъ языкомъ: они оканчиваются регулярно прошеніемъ.

Чувствуется, что главной заботой молящагося является умиловивленіе боговъ, пріобрѣтеніе ихъ благосклонности, чтобы заставить ихъ милостиво принять просьбу. Столь характерная черта не ускользнула отъ Ястрова, автора, посвятившаго этой религіи этюдъ, до сихъ поръ наиболѣе полный. Онъ указываетъ тѣсную связь, соединяющую молитвы и колдованія и объясняетъ это слѣдующимъ образомъ: „Вавилоняне такъ же, какъ и ассирійцы обращались къ богамъ только тогда, когда желали что-нибудь отъ нихъ получить, защиту или исцѣленіе, освобожденіе отъ зла или какую-нибудь милость... Чистаго восхваленія боговъ безъ другого намѣренія не существуетъ въ вавилонско-ассирійскомъ культѣ“ (*Die Religion Babyloniens und Assyriens*, t. II, p. 138. 1906).

Напротивъ, случается, что набожный израильянинъ совершенно теряетъ изъ виду свои собственные интересы. Псаломъ XXIX (Вульг. XXVIII) не ограничивается ли прославленіемъ могущества Ягве? Значительное число другихъ имѣютъ единственнымъ предметомъ восхваленіе божественныхъ благодѣяній; таковы псалмы CV, CVII, CXI (Вульг. CIV, CVI, CX) и большинство тѣхъ, которые начинаются словами: „Хвалите Ягве!“ (*Аллаху*). Довольно обширная поэма, псаломъ CIV (Вульг. CIII) воспѣваетъ твореніе и Провидѣніе Ягве,—Абсолютнаго Господа вселенной: поэтъ ни на минуту

не оставляетъ этотъ сюжетъ. Безъ сомнѣнія, израильтянинъ и въ то время, какъ и теперь, не былъ незаинтересованъ въ благахъ этого міра. Между тѣмъ, благодаря высокой идеѣ Бога, характеризовавшей его религію, онъ легко обращалъ свою молитву къ болѣе благородному идеалу; онъ просилъ какъ высшаго блага сдѣлаться угоднымъ Ягве исполненіемъ Его повелѣній. См. псалмы XIX, CXIX (Вульг. XVIII, CXVIII) и др. Если скажутъ, что эти чувства являются плодомъ позднѣйшей эволюціи, въ которой религіозная мысль очистилась, пусть намъ покажутъ въ Вавилоніи послѣ трехъ тысячъ лѣтъ цивилизаціи подобную эволюцію и очищеніе. Но у евреевъ идея святости Закона вытекала по прямой линіи изъ ученія древнѣйшихъ пророковъ и изъ первоначальнаго основанія Моисеева законодательства о святости Ягве. Это заставляетъ насъ сказать объ идеѣ *грѣха* у этихъ древнихъ семитовъ.

Много разъ Законъ твердитъ о необходимости для избраннаго народа быть святымъ, потому что его Богъ святъ (Ис. XIX, 6; Лев. XI, 44; XIX, 2; XX, 26 etc). Если Законъ есть проявленіе святости Ягве, то грѣхъ,—нарушеніе Закона, оскорбляетъ эту высшую святость. То, что израильтянинъ, проникнутый этимъ ученіемъ, видитъ грѣхъ въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ его сосѣди политеисты, не нравится Деличу, утверждающему, что сильно ошибаются, приписывая Израилю болѣе глубокое понятіе о природѣ грѣха. Потому что благочестивые вавилоняне, говоритъ онъ, указываютъ въ своихъ жалобахъ вмѣстѣ съ виѣшними болѣзнями, *скорбь души, причиненную грѣхомъ (Babel und Bibel, III, p. 26)*. Нужно бы прибавить—это главный пунктъ—по какой причинѣ, съ какой точки зрѣнія *утилитарной* или *нравственной*, причинялъ грѣхъ эту скорбь. „Милость сострадательнаго бога, говоритъ Іереміасъ, некоемъ и ожидаемъ результатъ молитвы является только освобожденіемъ отъ болѣзни. Это значитъ: отпущеніе грѣховъ. Исцѣленіе и прощеніе являются синонимами. Исходя изъ этого, нужно судить о понятіяхъ вины и грѣха, милосердія и прощенія“ (*dans le Manuel d'histoire des religions de Chantepie de la Saussaye, trad. franc. 1904, p. 151*). Тиле также считалъ, что вавилоняне и ассирійцы „не достигли яснаго различія между грѣхомъ и слѣдствіями грѣха“. (*Geschichte der Religion im Altertum, vol.*

I, 1895, p. 215). Дѣйствительно, они чувствуютъ, что такое-то зло есть наказаніе за вину; они сожалѣютъ о томъ, что совершили вину, причину болѣзни; они унижаются, чтобы умиротворить разгнѣваннаго бога. Это—рабская боязнь, а не чистое раскаяніе въ томъ, что прогнѣвано божество. Не вину на ряду съ воздыханіями и моленіями виновнаго, обѣщанія поступать лучше, не видно просьбы о помощи, для преуспѣянія въ этомъ. Это свободно засвидѣлствуютъ, если сравнять, напримѣръ, псаломъ LI (Вулг. L) съ самыми лучшимъ мѣстамъ изъ гимновъ, называемыхъ „покаянными вавилонскими псалмами“ (*Babilonische Busspsalmen*, опубликованные Циммерномъ въ 1885 году):

Вины, содѣяння мною, я ихъ не знаю...
 Господь въ своемъ гнѣвѣ посмотрѣлъ на меня,
 Богъ въ своей ярости посѣтилъ...
 Я иду (помощи); никто не протягиваетъ мнѣ руки;
 Я плачу и никого не нахожу около себя.
 Я кричу; никто меня не слышитъ.
 Печальный, простертыи на землѣ, не поднимая глазъ,
 Я, вздыхая, обращаюсь къ моему милосердому богу.

Молящійся убѣжденъ, что физическая боль, отъ которой онъ страдаетъ, является результатомъ нравственнаго зла—эта мысль часто встрѣчается въ Ветхомъ Завѣтѣ, особенно въ книгѣ Іова:—Иногда онъ не знаетъ слѣдующую имъ вину: „Мою низость, я ее знаю; преступленіе, совершенное мною, я его не знаю“ Fr Martin, *Textes religieux assyriens et babyloniens*, 1900, p. 15). Или же онъ не знаетъ, какое божество онъ оскорбилъ и, чтобы не рисковать, пропускаетъ именно его въ своихъ моленіяхъ, онъ умоляетъ „неизвѣстнаго бога“, „неизвѣстную богиню“.

Кающійся израильянинъ подымается выше:
 Сердце чисто сознѣди во мнѣ, Боже,
 И духъ правъ обнови во утробѣ моей!
 Не отвержи меня отъ лица Твоего
 И Духа Твоего Святаго не отыми отъ меня!..
 Научу беззаконныя путемъ Твоимъ.
 И нечестивіи къ Тебѣ обратятся... (Пс. LI, Вулг. L).

Мартинъ справедливо подчеркиваетъ поразительное сходство между слѣдующимъ текстомъ, переведеннымъ имъ и

различными мѣстами еврейскихъ псалмовъ (*Textes religieux assyriens et babyloniens*, 1903, p. XXVI):

Да умрутъ они; пусть я, я живу;

Да пройдутъ они; пусть я, я благоденствую.

Да будутъ они уничтожены; пусть я, я укрѣплюсь!

О богъ огня, могущественный, самый высшій изъ боговъ...

Ты, ты—мой богъ; ты, ты—мой господинъ;

Ты, ты—мой судія; ты, ты—мой спаситель:

Ты, ты—мой мститель.

Сходства подобнаго рода и привели, безъ сомнѣнiя ассириолога и критика Поля Гаупта къ такимъ заключенiямъ беззащитнаго радикализма: „Я установилъ, что большинство еврейскихъ псалмовъ принадлежитъ къ эпохѣ Маккавеевъ (170—70 годы до I. X.). Я не нашелъ ни одного псалма, датированнаго до эпохи цлѣна, Прототипами гимновъ, содержащихся въ еврейской книгѣ псалмовъ, являются гимны и покаянные псалмы клинообразныхъ текстовъ“ (*American Journal of Semitic Languages and Literatures*, t. XXI, oct. 1904—juil. 1905, p. 137). Такимъ образомъ, кромѣ Пѣсни Деворы, которую критики единогласно признаютъ однимъ изъ древнѣйшихъ отрывковъ еврейской литературы—противоположное сужденiе Мориса Верна не имѣетъ никакого значенiя—израильтяне не имѣли въ продолженiе вѣковъ ни одного священнаго пѣснопѣнiя! Очень поздно, послѣ эпохи пророковъ для того, чтобы научиться пѣть хвалы Ягве, они поступили въ школу вавилонянъ!

Нужно указать на гимнь Иштаръ, по мнѣнiю Ястрова „можетъ быть, самый лучший образецъ, этихъ покаянныхъ псалмовъ“. Это—длинный текстъ 113 строкъ (включая сюда *калофонъ* или аттестатъ переписчика, находящiйся въ концѣ), великолѣпно сохранившiйся, отличающiйся высочайшей религiозной поэзiей. Онъ принадлежитъ къ серiи, носящей заглавiе: „Молитвы съ воздѣванiемъ рукъ“.

I. 1—2. Я тебя прошу, повелительница изъ повелительницъ, богиня изъ богинь!

Иштаръ, царица всѣхъ народовъ, правительница людей!..

I. 15—17. Гдѣ не (знаютъ) твое имя? Гдѣ не (исполняютъ) твой повелѣнiя?

Гдѣ не возвеличена ты? Гдѣ не прославляема ты?

I. 40.—47. Тамъ, куда ты смотришь, оживасть мертвый,
встаесть больной:

I. 41. Хорошо чувствуетъ себя тотъ, кто былъ боленъ,
видя твое лицо!

Я зываю къ тебѣ, вздыхая, стная, страдая, твой слуга!
Посмотри на меня, о моя повелительница, прими мое мо-
леніе;

На самомъ дѣлѣ обрати ко мнѣ твои сострадательные
глаза, услышь мою молитву!

Скажи мнѣ объ освобожденіи, да смягчится твое сердце!
Объ освобожденіи моего страдающаго тѣла, полного тре-
вогъ и безпорядочнаго,

Объ освобожденіи моего страдающаго сердца, полного ры-
даній и вздоховъ!..

I. 81. Отпусти мой грѣхъ, мою вину, мое беззаконіе, мое
злодѣяніе...

I. 99—105, перев. Дорма: Пусть дойдуть до тебя мои мо-
литвы и прошенія!

Да будетъ со мною твое великое милосердіе!

Да прославляютъ имя твое видящіе меня на улицѣ!

И я среди людей буду прославлять твое божество и твою
силу.

Иштаръ возвышена! Иштаръ-царица!

Белить возвышена! Белить-царица!

Ирини, мужественная дочь Сина, не имѣетъ соперниковъ!

Диллетантъ въ сравнительной исторіи религій найдетъ
очень интереснымъ и совершенно естественнымъ провести
параллель между этими воззваніями, съ которыми христіане
обращаются къ Дѣвѣ Маріи, и говорить, можетъ быть, о ва-
имствованіяхъ или подражаніи. Я возвращусь къ такому
злоупотребленію сравнительнымъ методомъ въ заключеніи.

Чтобы проникнуть немного въ сознаніе вавилонянина,
нужно процитировать еще довольно длинный текстъ, на-
влеченный изъ пѣснопѣнія, въ которомъ съ цѣлью избѣ-
жать зла, стараются открыть, какой грѣхъ является причи-
ною этого зла.

Пѣснопѣіе. [Я зываю къ вамъ], великіе боги,

[...богъ и] богиня, господа надъ освобожденіемъ

[за такого то, сына] такого то, богомъ котораго является та-
кой то, богиней—такая то,

...больного, безпокойнаго, смущеннаго опечаленнаго. Не оскорбилъ ли онъ своего бога, не оскорбилъ ли свою богиню?

Не далъ ли онъ отказъ вмѣсто обѣщанія, обѣщаніе вмѣсто отказа?

Не разлучилъ ли онъ сына съ отцомъ,
 Не разлучилъ ли онъ отца съ сыномъ,
 Не разлучилъ ли онъ дочь съ матерью,
 Не разлучилъ ли онъ мать съ дочерью,
 Не разлучилъ ли онъ невѣстку съ свекровью,
 Не разлучилъ ли онъ свекровь съ невѣсткой?
 Не разлучилъ ли онъ брата съ братомъ?

Не отказалъ ли онъ отпустить на волю плѣнника,
 освободить закованнаго въ цѣпи.

Не погрѣшилъ ли онъ противъ какого-либо бога, не оскорбилъ ли онъ какую нибудь богиню?

Не огорчилъ ли онъ какого-нибудь бога, не презрѣлъ ли какую нибудь богиню?

Нѣтъ ли у него вины противъ его бога, проступка противъ его богини,

Насилія противъ его дѣда, ненависти противъ его старшаго брата?

Не пренебрегъ ли онъ своими отцомъ и матерью, не оскорбилъ ли свою старшую сестру?

далъ мало, отказалъ въ большемъ,
 и нѣтъ вмѣсто да?...

Не употребилъ ли онъ невѣрные вѣсы?...

Не пользовался ли онъ фальшивыми деньгами, и не пользовался настоящими?

Не лишилъ ли онъ законнаго сына наслѣдства, возстановилъ незаконнаго сына?

Не провелъ ли онъ неправильныя границы вмѣсто правильныхъ?

Не переходилъ ли онъ (?) края, границы, предѣлы?

Не входилъ ли въ домъ своего ближняго?

Не приближался ли онъ къ женѣ своего ближняго?

Не пролилъ ли онъ кровь своего ближняго?

Не укралъ ли онъ одежду своего ближняго?

Не возставалъ ли онъ противъ власти?

Не имѣлъ ли онъ добродушія на языкѣ и лжи въ своемъ сердцѣ?...

Не научилъ ли онъ темнымъ дѣламъ, не разсказалъ ли онъ того, что не нужно?

Не занимался ли онъ магіей и колдовствомъ?

За серьезную-ли вину содѣланную имъ,

За многочисленные ли грѣхи, совершенные имъ?

За общество ли, разсѣянное имъ,

За дружное семейство ли, разъединенное имъ?

За все пренебреженіе ли, которое онъ могъ имѣть къ своему богу или къ своей богинѣ?

Не обѣщаль ли онъ сердцемъ и устами и не сдержалъ своего обѣщанія?

Не пренебрегъ ли онъ при жертвоприношеніи именемъ своего бога?

Не удержалъ ли то, что посвятилъ?...

(Н. Zimmern, *Beiträge zur Kenntnis der babylonischen Religion*.

Вторая таблица *Шупри*).

Можно видѣть, что эти семиты—язычники не имѣли слишкомъ извращеннаго нравственнаго чувства и даже въ нѣкоторыхъ пунктахъ они не были лишены нѣкоторой чуткости совѣсти.

Слѣдующій текстъ напоминаетъ сентенціи *Притчей*:

Не открывай рта, закрой уста,

когда ты въ гнѣвѣ, не говори ни слова:

сказавши слишкомъ поспѣшно, ты будешь позже раскаиваться;

обуздывая (свои) слова, ты не опечалишь своей души.

Каждый день приноси своему богу

жертву, молитву и подобающее куреніе,

будь чистъ сердцемъ (?) передъ своимъ богомъ,

потому что здѣсь заключается то, что подобаешь божеству.

Молитву, прошеніе и поклоненіе до земли

приноси ему утромъ... (?)...

и преуспѣешь ты сильно съ (помощью) бога.

Въ своей мудрости изучай табліцы:

страхъ (божій) порождаетъ благосклонность.

жертва обогащаетъ жизнь,

и молитва освобождаетъ отъ грѣха...

(К. D. Macmillan, въ *Beitrage zur Assyriologie und semitischen Sprachwissenschaft*, t. 1906, p. 557—562).

Делить справедливо дорожить этимъ текстомъ: онъ отсы-

лаеть къ нему, чтобы показать, что у вавилоняць есть аналогичное съ повелѣніемъ любить ближняго, какъ самого себя. Къ несчастію, вторая часть плитки сильно испорчена и въ точности не видно, относительно кого должна быть направлена предписываемая въ ней доброжелательность. Деличь нашелъ два другихъ доказательства любви къ ближнему въ Вавилонѣ. Во II книгѣ Царствъ, XVII, 24 сказано, что на мѣсто отведенныхъ въ плѣнь жителей Самаріи „царь Ассирии велѣлъ прибыть людямъ изъ Вавилона, Куты, Аввы, Емаа, Сепарванма и поселилъ ихъ въ городахъ Самаріи“. Исусъ же предлагаетъ *добраго самарянина* въ примѣръ милосердія къ ближнему: (*Babel und Bibel*, III, p. 23). Ассирійцы опустошали страны, сажали на колъ, сжигали, уродовали плѣнниковъ; вавилоняне, болѣе мирные, были иногда жестокими (по приказанію Навуходоносора двухъ сыновей Седекіа задушили передъ отцомъ, затѣмъ выкололи этому послѣднему глаза и увели плѣнникомъ въ Вавилонъ (II Цар. XXV, 7). Этимъ примѣрамъ Деличь противопоставляетъ, какъ замѣчательную черту милосердія, милость, оказанную Іоакиму, Царю Іудейскому, котораго Эвильмеродахъ (Амилъ-Мардукъ) выпустилъ изъ темницы послѣ 37-ми лѣтъ плѣна (II Цар. XXV, 27). *Babel und Bibel, Ein Ruckblick*, p. 53. et *Babel und Bibel* III, p. 21—22.

(Продолженіе слѣдуетъ).
